

Приход Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 11-03

6 АПРЕЛЯ по новому стилю - 24 МАРТА по старому стилю

Неделя 4-я Великого поста. Предпразднство Благовещения Пресвятой Богородицы. Прп. **Иоанна Лествичника** (переходящее празднование в 4-ю Неделю Великого поста). Прп. Захарии монаха. Свт. Артемия (Артемона), еп. Солунского (Селевкийского) (I-II). Сщмч. Владимира пресвитера (1920). Прп. Захарии, постника Печерского, в Дальних пещерах (XIII-XIV). Мчч. Стефана и Петра Казанских (1552). Прп. Иакова исп., еп. (VIII-IX). Иконы Божией Матери, именуемой "Тучная Гора". Евр. VI, 13-20. Мк. IX, 17-31.

ТРОПАРЬ

Благовещение Пресвятой Богородицы

Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает и Гавриил благодать благовествует. Темже и мы с ним Богородице возопиим: радуйся Благодатная, Господь с Тобою!

Прп. Иоанн Лествичник

Пустынный житель и в телеси ангел и чудотворец явился еси, богоносне отче наш Иоанне: постом, бдением, молитвою небесная дарования приим, исцеляеши недужная и души верою притекающих ти. Слава Давшему ти крепость, слава Венчавшему тя, слава Совершающему через тебя всем исцеления.

О АВВЕ ИОАННЕ, ИГУМЕНЕ СИНАЙСКОЙ ГОРЫ, ТО ЕСТЬ ЛЕСТВИЧНИКЕ

Некогда авва Мартирий пришел с авваою Иоанном к Анастасию великому; и сей взглянув на них, говорит авве Мартирию: „Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок, и кто постриг его?" Тот отвечал: „он раб твой, отче, и я постриг его". Анастасий говорит ему: „О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?" И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет, Иоанн сделал был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собою Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал, и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: „поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену".

В день пострижения аввы Иоанна, (а он постригся на двадцатом году своей жизни), авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великою звездою.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом, и когда сошлось к нам около шести сот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который как некий распорядитель, ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: „оставьте его; господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте".

Некогда в Палестинских странах было бездождие; авва Иоанн, по прошению тамошних жителей, помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного; ибо волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: „итак, ты оставляешь меня и отходишь; я молился, чтобы ты проводил меня: ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить сию дружину; но теперь мне должно проводить тебя". Авва Иоанн сказал ему на это: „не скорби и не заботься: если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня". Что и сбылось; ибо в десятый месяц потом отошел и сей ко Господу.

Под Воронежем недавно умерла слепая манатейная монахиня Смарагда. Она - я знаю - совершала ежедневно по несколько тысяч молитв Иисусовых. Но не об этом, и не о прозорливости ее хочу я рассказать.

В городке, где жила Смарагда, ходила нищая, или, как там говорили, "побирушка", молодая гулящая женщина. Смарагда, жившая в небольшой келье еще с одной монахиней, приютила ее у себя. Она прожила у них года два и, оставив им вшей и беспорядок, ушла. Через сколько-то времени обе монахини идут по площади и видят, что гуляка, опять, очевидно, в полном безденежье и бездомье, сидит на земле с новорожденным младенцем. И вот Смарагда, наверно, вздохнув о тишине и чистоте своей кельи, говорит другой монахине: "Дашка, иль мы не христиане! Ведь надо ее опять брать!" И ее взяли, конечно, с ребенком.

* * *

В зырянскую ссылку 1923 года с первыми пароходами было доставлено сразу очень много епископов. С одним из них добровольно приехали его келейник-монах и еще один "вольный", юноша лет 20-ти, сразу обративший на себя наше внимание. Он нес подвиг молчания: ни с кем ни о чем никогда не говорил, а, когда это было нужно, объяснялся знаками. Он был духовный сын этого епископа, и незадолго пред этим окончил среднюю школу. Я помню его хорошие и тоже с какой-то веселостью, как у отца Алексея Мечева, глаза. Ходил он босой, в длинной холщовой рубахе без пояса. Один раз он у меня ночевал. Я все ждал, что вот вечером он встанет на долгую молитву, да еще, может быть, "стуча веригами", как в "Детстве и Отрочестве", а он вместо этого знаком спросил меня о чем-то, улыбнулся, перекрестился и лег. И на следующий день он меня удивил. Он сидел на сундуке около двери, и, зная что он там будет сидеть, я заранее положил туда стопку книг: "Подвижники благочестия XVIII и XIX веков". Вот, - думал я по глупости, - он обрадуется". А он открыл книгу, начал было читать, но тут же закрыл и больше не прикасался.

Мы говорим, пишем, читаем о подвиге, а подвижники молчат и его совершают.

* * *

Мне всегда кажется, что, когда "солнце пошло на лето, а зима на мороз", это солнце становится иногда загадочным, точно уже не понимающим, что скоро весна, и не только эта весна обычная, но и Весна грядущая, вечная. Я очень люблю это солнце, и другие его очень любят: от одного человека я слышал, что он в лагере, глядя именно на такое солнце, плакал какими-то непонятными слезами, в которых, как он говорил, было и не горе, и не радость, а что-то больше и того и другого. Это "оцет, смешанный с желчью, подносимый чьей-то любовью".

В первый раз в своей жизни я увидел такое солнце поздне-зимнее, когда мне было 16 лет, и было это в Зосимовской пустыни. Кончалась ранняя обедня в Надвратной церкви, народу было совсем мало, на клиросе три-четыре монаха так легко - по-монашески! - возносили к небу Херувимскую песнь, а посреди храма стоял на коленях, очевидно, только что пришедший в монастырь странник, освещенный этим солнцем, - в каких-то лохмотьях, веревках, котомках, с лохматой, еще совсем молодой головой. Он очень молился.

Вспоминая его, я вспоминаю слова апостола Павла: "Мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Рим. 8, 26).

* * *

В те годы, когда к нам иногда приходил о. Серафим (Батюгов), у нас жила близкая нам, простая женщина. Она была когда-то инокиней (сама ушла от родителей в монастырь, когда ей было лет 11-12), но в это время ничем внешним от нас не отличалась, и посты не очень соблюдала. Но у нее было сердце, жалеющее всех людей. Про нее о. Серафим говорил: она ходит не только в ангельском чине, но и ангельскими стопами. Она умерла у нас утром в Великую Субботу, будучи буквально до последней минуты в полном сознании и в полной уверенности, что она не уничтожается, но переходит в Новую жизнь.

Характер у нее был своенравный, и, кроме того, она не любила плохих молений и служб, что, конечно, огорчало о. Серафима, особенно, когда получалось так: он надевает епитрахиль, чтобы служить, а она идет на огород копать картошку. Я вижу: он читает и все посматривает в окошко на ее фигуру, склоненную к ботве. И вот, помню, однажды о. Серафим стоит в передней, одевается, чтобы

уходить опять надолго, потом еще раз прощается с нами, а пред этой женщиной опускается вдруг на колени и кланяется ей в ноги.

* * *

Я только раз в жизни испытал радости щедрости, а ведь есть и (сейчас) люди, которые несут щедрое сердце всю свою жизнь.

Это было в Бутырской тюрьме осенью 1922 года, и это было как светлый ветер, выметавший сор души. Я готовился к этапу и раздавал, что имел, и, чем больше раздавал, тем глубже дышал воздухом свободы, в которой мы призваны быть всегда. И это время тюремного дерзания так и осталось сладчайшим временем жизни. Почему я тогда не умер?

ГЛАГОЛЕВЫ: ТРУДНАЯ ПРАВДА

СЕРГЕЙ Кокурин

«Профессорский дом» на углу улиц Волошской и Ильинской на Подоле — одно из «маленьких» открытий в топонимике Киева. Обезличенное в советское время здание, в котором долгие годы располагалось военное учебное заведение, в начале XX века относилось к Киевской духовной академии. Здесь жила профессура КДА, и на квартирах преподавателей (проф. П.Кудрявцева, С.Афонского и др.) академия существовала явочным порядком до 1927 года после ее закрытия в 1923 году. Здесь же 2 июня 1901 года, в семье выдающегося ученого, профессора и ректора Духовной академии, протоиерея Александра Александровича Глаголева, родился Алексей Глаголев — священник, спасавший в годы войны евреев от Бабьего Яра, праведник мира. Об этом сообщает мемориальная доска на стене «профессорского дома», установленная 30 января 2002 года. Может быть, оттого, что с бронзовой плиты на нас смотрят удивительно человеческие и беззащитные лики этих двух людей, хочется думать, что приходит время другого Киева — открывающего правду своих улиц и правду о нас, беспечно шагающих по камням Андреевского спуска, Боричева тока, Покровской улицы...

Но это трудная правда.

ОТЕЦ

Киев встречал XX век бурными переменами: в 1900 году — новой роскошной гостиницей «Континенталь» и цирком Крутикова с изумительной акустикой на Никольской, в 1901 — только что открывшимся оперным театром... Город пробуждался от провинциальной спячки, тянулся не только к роскоши, но и к духовным высям. Это город Николая Бердяева, Льва Шестова. В политехническом преподает 30-летний философ Сергей Булгаков. В КДА кафедру Ветхого Завета возглавляет 28-летний магистр богословия, уже известный гевраист Александр Глаголев. Именно в это время он записал следующее: «Нужны нам более всего силы благодатные к следованию путем добродетели и святости — путем тесноты, скорби и страданий, столь чувственных для телесной стороны существа нашего, столь невыносимых для обыденной жизни нашей». 28-летний Александр Глаголев определенно уже видел «тесный путь», которым пройдут в XX столетии мать Мария (Скобцова), отец Димитрий Клепинин, католический священник Максимилиан Кольбе, философ Эдит Штайн, учитель и писатель Януш Корчак и другие мученики, добровольно разделившие смертную участь с миллионами узников концлагерей. Несомненно, и сам Александр Глаголев готов был пройти этим путем до конца. Его Голгофой стала Лукьяновская тюрьма, где осенью 1937 года он был замучен.

Из «записки» его сына, Алексея Глаголева, написанной в 1945 году по просьбе церковных иерархов для отчета тогдашнему первому секретарю ЦК КПУ Хрущеву, в которой он рассказал, как его семья в оккупированном Киеве спасала евреев, мы узнаем, что с 1909 по 1930 год Глаголевы жили в священническом доме на Покровской улице возле церкви Николы Доброго, где Александр Александрович стал настоятелем и оставался им до закрытия храма в 1934 году. В 1930 году Глаголевы выселили, и знаменитый ученый, профессор КДА с супругой Зинаидой Петровной поселился на лестничной площадке под колокольной Варварьинской церкви — «на сундуке» (из мебели были стол и большой сундук, на котором батюшка отдыхал между службами). После смерти жены в 1936 году Александр Глаголев жил под колокольной еще девять месяцев, пока в ночь с 19 на 20 октября к нему не пришли с обыском. После длившегося всю ночь обыска его забрали в Лукьяновскую тюрьму.

Мы не знаем о последних тридцати шести днях его жизни (в 1937-м из Лукьяновской тюрьмы никого не выпускали и свиданий с родственниками не давали). Не знаем, как он погиб и где покойся его прах (по городу шел слух, что ночью из тюрьмы на Лукьяновское кладбище вывозят на грузовике

тела расстрелянных. Алексей Глаголев несколько ночей «дежурил» на кладбище, прячась за деревьями, и видел, как в большую яму на одной из аллей сбрасывали тела. Он не мог опознать тело своего отца, поскольку находился слишком далеко, но запомнил место: теперь там установлен памятник-крест о. Александру).

Даже дата его смерти долгие годы скрывалась. До лета 1941 года Татьяна Павловна, жена Алексея Глаголева, носила в тюрьму передачи — их принимали. Но в 1944-м официально сообщили, что А.Глаголев умер 25.11.37. Однако только в 1997 году (ни Алексея, ни Татьяны уже не было в живых) стало возможно ознакомиться с «делом» священника Глаголева, обвиненного в «активном участии в антисоветской организации церковников». В «деле» нет ни одного протокола допросов! Известно зато, что через 36 дней после ареста о. Александр скончался от болезни, которой у него никогда не было, — сердечной недостаточности. Так система не только убивала человека, но всячески скрывала следы правды о нем. Трудность узнавания правды связана, однако, не только с чудовищной мистификацией официальных документов.

Известно, что в храм Николая Доброго к о. Александру в 1923 году перешла община о. Анатолия Жураковского (после его первого ареста), состоявшая в основном из «профессорской» молодежи. В этом не было ничего удивительного, потому что взрослевшие братчики и сестры все больше тянулись к «глаголевцам». Их переходы о. Анатолий воспринимал если и не без ревности, то с пониманием (об этом он писал в одном из «соловецких» писем в 30-е годы). В 1925 году после возвращения в Киев из Краснококшайской ссылки он жил с женой Ниной Сергеевной в доме на углу Андреевского спуска и Боричева тока (и здесь его снова арестовали в 1930 году, после чего он попал на Соловки, где в 1937 году по решению «тройки» был расстрелян).

С Глаголевыми Жураковских связывала искренняя дружба. Это известно из воспоминаний внуки о. Александра и дочери о. Алексея М.Пальян-Глаголевой. Однако в 1927-м община Анатолия Жураковского перешла в другой приход, в том же году появилась «декларация» митрополита Сергия (Страгородского), призывавшая мириться с властью. Это-то и дало повод некоторым историкам считать, что между о. Александром и о. Анатолием в то время возникли разногласия, вследствие которых о. Александр отказал общине о. Анатолия. Чтобы такое допустить, нужно совершенно не знать, каким человеком был о. Александр.

Стало уже общим местом «выводить» Александра Глаголева из романа Михаила Булгакова «Белая гвардия». Знаем, что его «домишко» (ул. Покровская, 6) заслоняли ветви деревьев, в окна пахло сиренью, что в тесном кабинетике, забитом книгами, допоздна трудился священник, всегда конфузившийся, «если приходилось беседовать с людьми». Михаил Афанасьевич лично знал о. Александра, который был дружен с семьей Булгаковых и часто бывал у них в доме №13 на Андреевском спуске. Нет сомнений, что булгаковский «отец Александр» списан с натуры достаточно верно.

Но и милый, симпатичный булгаковский образ, верный в деталях, все-таки не напоминает отца Александра в главном. Вот что рассказывает вернувшийся в 1946 году из ссылки священник Кондрат Кравченко, который сидел в 1937 году в Лукьяновской тюрьме вместе с Александром Глаголевым. Некоторые следователи применяли особый метод: допрашиваемых заставляли ночью часами стоять в неудобном положении с запрокинутой головой. Кравченко, после тюрьмы оказавшийся за Полярным кругом в парусиновых тапочках, отмороживший и лишившийся пальцев на обеих ногах, переживший лагерь и ссылку, с ужасом вспоминал два таких допроса. Отца Александра, по его словам, допрашивали так восемнадцать раз. Мы знаем и со слов Алексея Глаголева (из «записки») о том, что «в 1905 году во время еврейского погрома отец мой, несмотря на свой мягкий и даже робкий с виду характер, не побоялся выйти во главе крестного хода навстречу разъяренной толпе, убеждая ее прекратить свое злое, нехристианское дело; а в 1913 году, когда его назначили экспертом по делу Бейлиса, выступил в защиту евреев от возводимой на них клеветы — обвинения в ритуальных убийствах». (Продолжение следует).

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ВЛАДУ Бабицкую с именинами!

ПОМОЛИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, О ЗДРАВЬИ

о.ПЕТРА Зуева, ЛЕОНИДА и СВЕТЛАНЫ Бондарчук
